

УДК 340.15

DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-222-228

© Кузьменко В.И., 2026

**От Третьего Рима к переопределению идентичности:
доктрина как стратегия политико-правовой адаптации в XVI в.**

Кузьменко Валентина Игоревна

Кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

(420126, Казань, ул. Ф. Амирхана, 14; e-mail: kuzmenko_valya@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-3551-0428)

Вопрос о природе политической идеологии средневековой России относится к числу устойчивых дискуссионных проблем отечественной исторической науки. На протяжении XX–XXI вв. исследователи неоднократно возвращались к доктрине «Третьего Рима» как явлению, определившему контуры русской государственности и задавшему долгосрочные параметры политико-правовой идентичности. Вместе с тем в историографии сложилась определённая традиция, склонная рассматривать данную концепцию либо как форму «охранительного» консерватизма, то есть простого удержания унаследованных ценностей, либо как имперскую экспансию в символическом пространстве.

Обе трактовки, при всей их эвристической ценности, упускают из вида, что доктрина «Третьего Рима» была прежде всего стратегией адаптации, инструментом переработки символического материала в условиях радикально изменившейся политической реальности. XVI в. в истории России – это эпоха конституирования самодержавной власти, первичного оформления государственного суверенитета, выстраивания новой системы легитимирующих нарративов после падения Константинополя в 1453 г. и распада зависимости от Орды. Настоящая статья ставит задачу проследить полный путь идеи «Третьего Рима» от её исходной артикуляции в посланиях Филофея Псковского (первая треть XVI в.) через кодификацию в чинопоследовании венчания на царство (1547) и Соборном Уложении (1649) до её практического функционирования в системе легитимации. Методологической рамкой выступает концепция адаптивного консерватизма понимания традиционалистских доктрин как динамических механизмов переработки прошлого опыта в соответствии с новыми политическими задачами.

Научная новизна заключается в том, что в статье исследуется доктрина «Третьего Рима» как механизм политико-правовой адаптации в условиях формирования Московского централизованного государства XVI в. На основе анализа посланий Филофея Псковского и сочинений Иосифа Волоцкого автор реконструирует три уровня механизма закрепления идеи: артикуляцию в публицистическом дискурсе, кодификацию в церемониальных и законодательных актах, а также функционирование в системе легитимации царской власти. Утверждается, что доктрина представляла собой его активное переопределение византийского наследия в новых исторических условиях как образцовый пример адаптивного консерватизма на уровне идеологии.

Ключевые слова: Третий Рим, Филофей, Иосиф Волоцкий, политико-правовая доктрина, легитимация власти, адаптивный консерватизм, гражданская идентичность, Московское государство

Для цитирования: Кузьменко В.И. От Третьего Рима к переопределению идентичности: доктрина как стратегия политико-правовой адаптации в XVI в. // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 222–228. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-222-228.

Понятие «адаптивного консерватизма» применительно к средневековым политическим доктринам требует обоснования, поскольку сам термин нередко воспринимается неоднозначно в науке. Консерватизм традиционно ассоциируют с сопротивлением изменениям, тогда как адаптация предполагает изменение по определению. Однако, как убедительно показано в работах отечественных исследователей политической мысли, подлинный консерватизм выражается в динамической стратегии управления символическим капиталом традиции [1, с. 77].

В политико-правовом измерении легитимация власти всегда требует апелляции к авторитету прошлого, но само прошлое неизбежно конструируется в соответствии с нуждами настоящего.

Как отметил Б.Н. Флоря в исследовании, посвящённом Ивану Грозному, московские идеологи XVI в. создавали образ империи в условиях, когда реальной институциональной преемственности не было [2, с. 200]. Если Константинополь в своё время мог претендовать на прямую институциональную преемственность от Рима через право, через церковь, через государственный аппарат, – то Москва была вынуждена строить свою преемственность на уровне символическом и доктринальном. Она компенсировала отсутствие институциональной непрерывности нарративной и богословско-правовой конструкцией.

Именно поэтому послания Филофея следует читать наряду с памятником религиозной публицистики, и политико-правовой текст, в котором осуществляется первичная кодификация нового государственного порядка в символических категориях. Н.В. Сеницына, создавшая наиболее полную монографию о концепции «Третьего Рима» в отечественной историографии, обоснованно указывала, что в научной литературе до сих пор недооценивается юридическое измерение доктрины [3, с. 27]. Следует также учитывать более широкий контекст политической мысли эпохи.

XVI в. – время формирования в Европе концепций государственного суверенитета, апогея которых достигнет Жан Боден в своих «Шести книгах о государстве» (1576) [4, с. 235]. Россия в этот период развивала собственную, принципиально отличную от западноевропейской, концепцию суверенитета – теократически обоснованную, укоренённую не в естественном или народном праве, а в воле Божьей, переданной через избранное царство. Данное

различие определяет и специфику функционирования доктрины «Третьего Рима».

Обратимся непосредственно к источникам. Псковский старец Филофей написал свои знаменитые послания в первой трети XVI в. Наиболее цитируемые из них – Послание к дьяку Мисюрю Мунехину (около 1523–1524 гг.) и Послание к великому князю Василию III. Источники содержат развёрнутое изложение концепции, ставшей впоследствии одним из центральных элементов русской государственной идеологии. Центральная формула, вошедшая во все позднейшие историографические дискуссии, звучит следующим образом: «яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвёртому не быти» [5, с. 436].

Первый Рим «пал» вследствие ереси – отступления от православия, что в богословско-правовом мышлении Средневековья означало разрыв договора с Богом, на котором основывалась вся политическая власть. Второй Рим — Константинополь – «пал» в 1453 г. по той же причине. Флорентийская уния 1439 г., подписанная греческой стороной ради получения военной помощи от Запада, трактовалась в русских источниках как предательство истинного христианства. Показательно, что в «Повести о взятии Царьграда» Нестора Искандера, созданной вскоре после 1453 г., гибель Константинополя прямо связывается с этим отступлением: «И сия вся приключися граду сему греха ради православных христиан» [6, с. 432]. Что здесь принципиально важно с политико-правовой точки зрения? Филофей создаёт правовой нарратив объясняющий историческую катастрофу, и тем самым задаёт критерии легитимности. Политическое первенство становится функцией богословской правоверности; правоверность поддерживается соблюдением «истинного» христианства; Москва, сохранившая неповреждённое православие, в силу хранителя нормы приобретает первенство. Таким образом, данная форма представляет собой правовую конструкцию, оформленную в богословских категориях, что полностью соответствует средневековой нераздельности права и теологии [7, с. 172].

Этим доктрина Филофея принципиально отличается от более ранних концепций «переноса империи» (*translatio imperii*), существовавших в средневековой европейской политической мысли. Западная версия *translatio imperii* базировалась прежде всего на линейной политической преемственности. Карл

Великий – наследник Рима через папское помазание, затем германские императоры – наследники Карла. Здесь логика сугубо политическая и правовая. Передача власти осуществляется через сакральный ритуал, признанный легитимным авторитетом. Филофей же строит иную конструкцию, где преемство не передаётся, а завоёвывается сохранением правове-рия. Это условная преемственность, обусловленная выполнением нормативных требований. «Третий Рим» не просто получает власть от Второго, а доказывает право на неё своей религиозной безупречностью. Если легитимность основана на правове-рии, то любой правитель, отступивший от православия, теряет её автоматически независимо от происхождения и формальных правовых оснований. Данная конструкция создавала мощный инструмент и для утверждения власти, и для её ограничения, что объясняет противоречивое использование доктрины на протяжении последующих веков [8, с. 357].

На уровне артикуляции перед нами, таким образом, развёрнутая политико-правовая теория суверенитета, основанного на богоизбранности, подтверждаемой через ритуальную и догматическую чистоту. Не менее важно, что Филофей обращается непосредственно к великому князю, придавая своим построениям характер адресного политического высказывания. Это своего рода политический меморандум, формулирующий обязательства правителя. «Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снисхося в твоё едино, яко два Рима падоша, а третий стоит» [9, с. 322]. Формула «блюди и внемли» имеет отчётливо нормативный характер: государь не просто уведомляется о своём высоком положении, он получает задание охранять последнее православное царство. Тем самым доктрина с первых шагов своей артикуляции несёт в себе как правообразующий, так и правообязывающий элемент.

Параллельно с Филофеем и во многом независимо от него принципиально важную роль в формировании политико-правовой идеологии Московского государства сыграл Иосиф Волоцкий (Иван Санин, 1440–1515 гг.) – игумен Волоколамского монастыря, создатель «иосифлянской» традиции, определившей характер взаимоотношений церкви и государства на несколько столетий вперёд. Его главный богословско-политический труд «Просветитель», направленный против ереси жидовствующих, содержит развёрнутую концепцию сакрального характера царской власти. Центральный тезис Иосифа в восьмом «Слове» «Просветителя» звучит так: «Царь убо естеством подобен есть всем человеком, а властью же подобен есть вышнему Богу» [10, с. 432]. Высказывание Иосифа Волоцкого нередко цитируется как аргумент в пользу абсолютизма иосифлянской доктрины, однако его следует читать в контексте предшествующих и последующих рассуждений, в кото-

рых Иосиф прямо указывает: тот царь, который «не радит о порученном ему» царстве Божьем, «не царь есть, но мучитель», и послушание такому правителю не только не обязательно, но и греховно.

Власть сакральна по своему происхождению, но условна по своей реализации. Это важно подчеркнуть в контексте нашего исследования, поскольку именно данная условность создаёт правовое пространство для доктринального обоснования как подчинения, так и сопротивления. В сопоставлении с Филофеем Иосиф задаёт несколько иной акцент. Так, в частности, Филофей строит свою доктрину на макроисторическом нарративе (история мировых империй, переход первенства от одного Рима к другому). Иосиф, в свою очередь, работает с микроуровнем, выражающимся в конкретных правовых обязательствах правителя и конкретных последствиях их нарушения. Вместе они образуют полноценную политико-правовую систему, в которой Филофей даёт историческое и космологическое обоснование московского первенства, а Иосиф – нормативное содержание и механизм ответственности.

Важно учитывать, что «иосифляне» одержали победу над «нестяжателями» (последователями Нила Сорского) прежде всего в аспектах политической борьбы, а не как богословская школа. Собор 1503 г. и последующая история показали, что московская власть нуждалась именно в иосифлянской модели, в которой церковь обладает имуществом и институциональным ресурсом, достаточным для того, чтобы быть полноценным институтом государства в деле идеологического строительства [11, с. 285]. Институт выражался не в отношении подчинения церкви государству (такое прочтение иосифлянства оспорено в современной историографии), а в отношении взаимного усиления, где церковь легитимизирует власть, власть защищает церковь.

Как показал А.А. Зимин в фундаментальном исследовании о России на пороге нового времени, это союзническое измерение иосифлянства является ключом к пониманию всей идеологической конструкции XVI в. [12, с. 244]

Переход от доктринальной артикуляции к правовой кодификации – один из наиболее значимых процессов в истории политической мысли. Идея, существующая исключительно в пространстве текста, остаётся частным богословским мнением; идея, закреплённая в ритуале и законе, приобретает статус правовой нормы, обязательной для всех участников политического сообщества. Подобный переход составляет содержание второго уровня нашего анализа.

Первым крупным актом кодификации доктрины «Третьего Рима» в политико-правовом пространстве следует считать «Чин венчания на царство» Ивана IV, состоявшийся 16 января 1547 г. и совершённый митрополитом Макарием. Это событие принципиально отличается от предшествующих

случаев в истории. Дмитрий-внук был венчан шапкой Мономаха и бармами в 1498 г., однако именно при Иване IV богослужебный чин приобрёл полноценное политико-правовое значение. Прежде всего потому, что Иван принял титул «царя», а не «великого князя».

Принятие царского титула носило иной политический характер и правовое закрепление. «Царь» в средневековом политическом лексиконе (восходящем к «кесарь») – правитель, не имеющий над собой светского суверена, то есть суверен в полном смысле слова. Текст чина содержит прямые апелляции к концепции избранности Москвы как последнего православного царства: «Яко тебе, государь, Бог вручил есть скипетр царства Российского... да правиши люди своя в мире и в тишине» [13]. Показательно, что в формулировке акцент делается не на династии или происхождении, а на «вручении», которое выражалось в акте передачи власти непосредственно от Бога. Данную идею развивал в своих трудах Филофей, где источником легитимности выступала богопоставленность, подтверждённая через ритуал.

Следует отметить, что роль митрополита Макария в данном контексте исключительно важна. Именно он является главным архитектором идеологической конструкции, связывающей воедино доктринальный уровень (концепция «Третьего Рима»), ритуальный уровень (чин венчания) и нарративный уровень (Великие Четы-Минеи, в которых собрана история русских святых как история богоизбранного народа). Р.Г. Скрынников в своих исследованиях показал, что Макарий осознанно выстраивал именно эту многоуровневую конструкцию, и его роль в формировании политической идеологии Ивана Грозного трудно переоценить [14, с. 344].

Второй крупный этап кодификации – Стоглавый собор 1551 г., постановления которого систематизировали церковно-государственные отношения. Характерно, что царь Иван IV открыл собор речью, в которой представил себя именно как хранителя православия, в роли, которую определила для него доктрина «Третьего Рима»: «Молю вас, отцы и архипастыри, да устроите... православную веру, якоже предали нам святые отцы, и утвердите её несмутно» [15]. Царь как страж и исполнитель религиозной нормы, что соответствует доктрине, в которой его власть обусловлена верностью православию.

Третий и наиболее зрелый акт кодификации – Соборное Уложение 1649 г. Принятое при Алексее Михайловиче, оно представляет собой первый в истории России систематический правовой кодекс. Первая глава «О богохульниках и о церковных мятежниках» прямо устанавливает связь между государственной властью и сакральным порядком. Нарушение церковного благочиния трактуется как государственное преступление, и это не случайное соединение составов, а осознанное юридическое вы-

ражение той же доктрины, которую Филофей артикулировал в богословских категориях. Государство и церковь образуют единую нормативную систему, в которой нарушение одного порядка автоматически является нарушением другого. Как констатировал М.Н. Тихомиров в фундаментальном издании Соборного Уложения, первая глава задаёт общий принцип всей правовой конструкции кодекса [16].

Важно подчеркнуть, что между чином венчания 1547 г. и Уложением 1649 г. прошло более ста лет, и за это время идея прошла сложный путь трансформации. Смута начала XVII в., казалось бы, нанесла смертельный удар по концепции богоизбранности Москвы, поскольку Российское государство пережило пресечение династии, самозванцев, иностранную интервенцию. Однако именно это потрясение привело к переосмыслению, а не к отказу от доктрины.

Как показано в работе Л.Е. Морозовой о Соборе 1613 г., избрание Михаила Романова обосновывалось богоизбранностью. Тем самым Смута была ретроспективно переосмыслена как испытание, из которого Москва вышла с подтверждённой легитимностью [17, с. 123].

Третий уровень анализа касается практического функционирования доктрины в системе политических отношений. Здесь следует выйти за рамки текстуального анализа и задаться вопросом: что реально делала доктрина «Третьего Рима» в политическом пространстве XVI–XVII вв. и каков был её практический эффект в системе взаимодействий между государем, церковью, боярством и широкими слоями населения?

Претензия на статус «Третьего Рима» позволяла московским государям позиционировать себя как суверенов вселенского масштаба, не нуждающихся в чьём-либо признании. Это имело практическое измерение в дипломатической переписке. Так, в послании к шведскому королю Иван Грозный прямо апеллирует к своему исключительному статусу: «Мы, великий государь, от Бога поставленный, а не от людей» [18]. Представленная формулировка выступает как идентификация правового статуса, где источник власти определяет её характер и её пределы.

Концепция «Третьего Рима» делала невозможным политическое представление о том, что власть может быть разделена или ограничена, поскольку само существование «последнего православного царства» зависит от единства, богословски обоснованного, но практически реализуемого только через самодержавие. Подобную позицию Иван Грозный разрабатывает в переписке с Андреем Курбским, где он обосновывает необходимость самодержавия не доводами политической целесообразности, а доводами богословского порядка: «Самодержавство – от Бога данное...» [19, с. 112]. Теоретическая конструкция, выработанная Филофеем и Иосифом, ока-

зывается в руках политического практика прямым инструментом разрешения конкретного политического спора.

Андрей Курбский в своих ответах пытается работать в рамках той же доктрины, но расставляет акценты иначе. Для него богоизбранность не исключает ответственности царя перед боярством и «синклитом», поскольку именно через них реализуется «правда» – нормативное начало христианского правления. Перед нами, таким образом, два варианта развёртывания одной и той же доктрины. Оба апеллируют к богоизбранности Москвы, оба признают сакральный характер власти, но при этом по-разному понимают содержание нормативных обязательств, вытекающих из этой сакральности.

Следует сюда же отнести и тот факт, что «Третий Рим» не только легитимирует власть конкретного государя. Помимо прочего он формирует коллективную идентичность, определяет «мы» политического сообщества. Всё, что включено в пространство «последнего православного царства», является своим; всё, что находится за его пределами, – либо еретическим, либо ещё не просвещённым. Данная конструкция задаёт параметры политической идентификации, которые будут воспроизводиться далеко за пределами XVI–XVII вв. Как верно замечает А.В. Каравашкин в исследовании о русской средневековой публицистике, доктрина «Третьего Рима» – это прежде всего «текст-идентификатор», определяющий принадлежность к сообществу через отношение к сакральной норме: «Быть русским православным человеком в XVI в. означало быть частью “последнего Рима”» [20, с. 312].

Подводя итоги, необходимо вернуться к исходному тезису о том, что доктрина «Третьего Рима» активно переопределяла византийское наследие. Переопределение византийского наследия осуществлялось сразу в нескольких измерениях.

Во-первых, на уровне основания легитимности. Византия обосновывала свою «всемирную» роль прежде всего через историческое преемство, наследование от Рима, закреплённое в праве, в институтах, в территории. Москва не могла претендовать ни на одно из этих оснований, поскольку она не наследовала ни территорию Константинополя, ни его институты, ни его правовые традиции. Поэтому Филофей смещает основание легитимности с институционального на богословское, где не «мы наследники», а «мы хранители нормы».

Во-вторых, на уровне понимания «конца». Византийская политическая эсхатология знала концепцию Катехона – «удерживающего», то есть государства, удерживающего мир от окончательного торжества зла. Москва переняла данную идею, но переосмыслила её. В частности, Константинополь был Катехоном, который не устоял; Москва – Катехоном, который обязан устоять, потому что «четвёр-

тому не быть». Эсхатологическое измерение приобрело у Филофея принципиально иное, более острое и тревожное звучание. Москва – не просто «третий» по счёту Рим, а последний, и это не прославление, а ответственность.

В-третьих, на уровне отношения церкви и государства. Византия имела модель «симфонии» в виде гармоничного разделения полномочий между императором и патриархом, где каждый имел свою сферу. Иосифлянская модель, утвердившаяся в Московском государстве, воспроизводила идею симфонии с существенным сдвигом. В условиях, когда Константинопольская патриархия находилась под властью турецкого султана, роль первостепенного авторитета в православном мире переходила именно к московскому государю, что на практике создавало асимметрию в пользу государства. Данное переопределение имело огромные долгосрочные последствия, вплоть до петровских реформ. Всё это позволяет утверждать, что перед нами консервативная инновация. Форма аргументации остаётся традиционной (апелляция к прошлому, к авторитету, к богословскому преданию), а содержательные позиции принципиально меняются. Именно поэтому «адаптивный консерватизм» представляется наиболее точным понятием для описания данной доктрины.

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов, значимых как для понимания конкретно-исторического материала XVI–XVII вв., так и для теоретического осмысления феномена политической идеологии в целом. Доктрина «Третьего Рима» прошла трёхуровневый путь от артикуляции в посланиях Филофея и богословско-политических трактатах Иосифа Волоцкого через кодификацию в чине венчания 1547 г. и Соборном Уложении 1649 г., к практическому функционированию в качестве инструмента внешнеполитической и внутривнутриполитической легитимации.

На каждом из уровней идея активно адаптировалась к изменяющимся историческим условиям. Менялись акценты, менялась аудитория, менялись политические задачи, которые доктрина была призвана решать. Концепция «Третьего Рима» является образцовым примером адаптивного консерватизма на уровне политической идеологии. Она апеллирует к традиции, формулирует задачу как сохранение унаследованного, однако фактически производит принципиально новые политические и правовые конструкции, отвечающие на вызовы своего времени. Различие между «консервативной риторикой» и «консервативной инновацией» представляется ключевым для понимания не только данной эпохи, но и механизмов политической идеологии в целом.

Настоящее исследование завершает анализ пути, пройденного русской политической идеей от посланий Филофея к нормам Соборного Уложения, и показывает, что это сложный процесс смысловой

трансформации, в котором каждый новый контекст порождал новую версию доктрины при сохранении её символической непрерывности. Поэтому способность к переопределению при сохранении формальной преемственности и обеспечивала исключительную долговечность концепции «Третьего Рима» как идеологического ресурса.

Литература:

1. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.
2. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 1999. 403 с.
3. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
4. Баязитова Г.И. Жан Боден. Шесть книг о государстве. Кн. VI. Гл. VI: перевод и комментарии // Европа: международный альманах. 2007. Т. VII. С. 235–240.
5. Послание старца Филофея к великому князю Василию Ивановичу // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1984. С. 436–441.
6. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1982. С. 216–267.
7. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник КГУ. 2014. № 4. С. 172–174.
8. Кузьменко В.И. Трансформация традиционных ценностей в политико-правовой доктрине петровских реформ: конфликт модернизации и национальной идентичности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 357–361.
9. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1982. С. 216–267.
10. Иосиф Волоцкий (прп.). Просветитель / Прп. Иосиф Волоцкий; предисл. митр. Иоанна (Снычева); отв. ред., авт. послесл. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 560 с.
11. Шаов А.А. Теоретические основы формирования правовой системы в эпоху Средневековья: социально-философское измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4. С. 285–290.
12. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI в. М.: Мысль, 1972. 452 с.
13. Чин венчания на царство царя Иоанна Васильевича // ПСРЛ. М.: Наука, 1965. Т. 13. С. 445–453.
14. Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб.: Наука, 1992. 576 с.
15. Стоглав // Стоглав. Собор бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче в лето 7059. Казань: Типография Губернского правления, 1862. 454 с.
16. Соборное Уложение 1649 года / Подг. текста М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М.: Изд-во МГУ, 1961. 424 с.
17. Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты. М.: Наука, 2005. 464 с.
18. Послания Ивана Грозного / Подг. Д.С. Лихачёв, Я.С. Лурье. М.-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1951. 716 с.
19. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. Ленинград: Наука, 1979. 432 с.
20. Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000. 416 с.

From the Third Rome to the Redefinition of Identity: Doctrine as a Strategy for Political and Legal Adaptation in the 16th Century

Valentina Igorevna Kuz'menko

Kazan legal institute (branch) the All-Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

The question of the nature of the political ideology of medieval Russia is one of the stable debatable problems of Russian historical science. Throughout the 20th and 21st centuries, researchers have repeatedly returned to the doctrine of the «Third Rome» as a phenomenon that defined the contours of Russian statehood and set the long-term parameters of political and legal identity. At the same time, there is a certain tradition in historiography that tends to consider this concept either as a form of «protective» conservatism, that is, simple retention of inherited values, or as imperial expansion in symbolic space.

Both interpretations, for all their heuristic value, overlook that the doctrine of the «Third Rome» was primarily a strategy of adaptation, a tool for processing symbolic material in a radically changed political reality. The 16th century in the history of Russia is the era of the constitution of autocratic power, the initial formalization of state sovereignty, and the building of a new system of legitimizing narratives after the fall of Constantinople in 1453 and the disintegration of dependence on the Horde. This article aims to trace the full path of the idea of the «Third Rome» from its initial articulation in the epistles of Philotheus of Pskov (the first third of the 16th century) through codification in the ceremony of the wedding of the kingdom (1547) and the Cathedral Code (1649) to its practical functioning in the system of legitimation.

The methodological framework is the concept of adaptive conservatism in understanding traditionalist doctrines as dynamic mechanisms for processing past experience in accordance with new political objectives. The scientific novelty lies in the fact that the article examines the doctrine of the «Third Rome» as a mechanism of political and legal adaptation in the context of the formation of the Moscow centralized state of the XVI century. Based on the analysis of the epistles of Philotheus of Pskov and the writings of Joseph Volotsky, the author reconstructs three levels of the mechanism of idea consolidation: articulation in journalistic discourse, codification in ceremonial and legislative acts, as well as functioning in the system of legitimation of royal power. It is argued that the doctrine represented his active redefinition of the Byzantine heritage in the new historical conditions as an exemplary example of adaptive conservatism at the ideological level.

Keywords: The Third Rome, Philotheus, Joseph Volotsky, political and legal doctrine, legitimization of power, adaptive conservatism, civic identity, the Moscow state

